

Б. ИВАНОВ

Д В Е О Р И Е Н Т А Ц И И . О Б Щ Е С Т В О .

П о я с н е н и е

Структуру общества небезинтересно рассмотреть с точки зрения двух различных ориентаций, из которых первая - ориентация на авторитет, вторая, - ориентация на мир, лежащий за пределами социальных значений. К авторитетам относится все то, что служит величественным фактором оценки, понимания и поведения, - это учитель и профессор, киноактер, служащий образцом манер, или религиозный проповедник, утверждающий должный образ мысли и отношений к людям. "Чистыми авторитетами" являются правительства, законодательные и воспитательные учреждения, а также общепризнанные нормы "правильного образа жизни". Чистый авторитет, как правило, обоснован концепционно, но и вне этих обоснований остается действительным ("незнание закона не является смягчающим вину обстоятельством"). Чистые авторитеты наиболее стабильны, всеобщи. В ориентации на авторитет мы видим то, что раскрывает сущность социального движения - и как поведение групп, и как карьеру индивида, все более уподобляющего себя авторитету учителя, эталону модности, возмож и т.д.

При всей всеобщности и общеобязательности чистых авторитетов, известное число людей социальной ориентации или никогда или редко ориентируются на них. Редко читают законодательные акты, передовые статьи газет и т.п. Для них источник авторитетности - "непосредственный руководитель", "более

опытный товарищ", чтимый сосед; он внимателен к инструкциям, касающихся лично его и к авторитетам в его повседневном окружении, - так он почтет необходимым прочесть критическую или хвалебную статью о любимом спортсмене или актере, о заслугах или промахах своего шефа, но не обратит внимание на факт общегосударственного значения.

За-социальной ориентацией я называю ориентацию на неизвестные явления, неизъясненные, необозначенные; это такой взгляд на мир, при котором знаки, образцы, регламент, директивы, правила, "просматриваются сквозь", это сосредоточенность на том, что можно было бы назвать "вещью в себе", это внимание к запредельному миру, запредельному для осуществленных обозначений и разъяснений и неимеющему готовой оценки. Ориентированный на запредельное ("хаос", "тайна"...) человек продвигается в его постижении и выражении, опираясь на самого себя, свою страсть к исследованию, к осмыслению неосмыслинного и т.д., при этом "готовое знание" употребляется лишь как инструмент еще несостоявшегося познания. Образцы совершенства для неавторитарной ориентации могут быть лишь относительно или должно детерминированы в качестве таких. В поведении, которое полагается идеальным, он видит отступления от идеолов, который он сам интуитивирует в природе человеческих возможностей.

Под ориентациями, таким образом, подразумеваются типы духовности, склонности - в пределах той или иной ориентации "нахождение себя". Человек может быть в той или иной склонности определен другими и он может открыть сам себя в итоге самопознавательных усилий. Тип духовности имеет решающее значение при выборе своего призыва, при со-

вершении поступков, имеющих длительное следствие. Непонимание индивидом и другими типа духовности осознается со временем как фактическая ошибка, взявшая начало в

ется как "просчет", "сбиться с дороги" и т.п.

Абсолютное большинство людей обладают универсальной "нормальной" духовной конституцией, ориентация на авторитет и ориентация на неизвестное - это лишь меняющиеся моменты в их существовании, но жесткая общественная структура, узкая специализация, значение многолетнего опыта для успеха в деле даже средней трудности, чрезвычайно обостряет как внешне, так внутренне суть этой духовной проблемы, ставит человека в ситуацию выбора, при трудной избирательности.

Поэтому речь может идти лишь о более или менее удовлетворительных решениях. Проявление человека в полноте и развитом виде остается проблемой. Ее решение может мыслиться лишь в отдаленной перспективе. Человек не может уклониться от выбоя, предложенного эпохой, настояние на цельности и универсальности является сегодня практически ориентацией на за-социальный мир, ибо социальный мир требует идеального выполнения ограниченного набора ролей. Независимо от решения этой метаисторической проблемы, фундаментальные различия между ориентациями, мне кажется, изъясняют существенно специфику любой актуальности, взятой и как опыт индивида и как опыт общественного бытия, поскольку ориентация может изменяться, сосуществовать с неоднородной, но не может исчезнуть, если, конечно, мы не рассматриваем человека в состоянии созерцания или сна, - речь идет о типе активнос-

ти.

При обозначении двух ориентаций я не стремился достигнуть завершенного анализа, - это не более, чем развернутый тест, который рассчитан на узнавание себя, как принадлежащего к той или иной духовной и психологической конституции (преимущественно). Это введение в самопознание, а не критика и не пропагандирование какой-либо установки. Но поскольку каждая ориентация имеет свой тип критического рассмотрения неоднозначной ей, я бегло демонстрирую ее, ибо часто способ критики больше говорит о человеке, чем утвердительные суждения.

Я считаю, что типы духовной ориентации принадлежат к онтологической структуре, поэтому всякого рода обозначения довольно случайным, ибо говоря об онтологических "субстанциях", мы, собственно, пытаемся говорить от лица того, что само заявляет о себе, но в каждую эпоху, для каждого человека есть свои знаки проявления этой "субстанции". Я прибегаю к обозначениям, которые, мне кажется, более всего бытуют в употреблении так или иначе начиненного, так или иначе разговаривающего человека. Работа написана с абсолютным приятием к людям той или иной ориентации. В каждой попытке утвердить иерархически ту, к которой тот или иной человек расположен, - в этом нет ничего, кроме претенциозности: "Каждому свое".

I. СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Авторитет — это личность, учреждение, школа, правительство и т.д., — все то, что из всевозможной и разнозначной информации создает единую и непротиворечивую формулировку (директиву, инструкцию, общий план ...), которая проливает ясность на должное и недолжное, на прошлое, настоящее и будущее. При таком определении авторитетности нет необходимости изыскивать специальную терминологию для обозначения авторитета ученого или поэта, мудреца или правительства. Государственный аппарат — это сосредоточие институтов по производству директив и "четких указаний", в которых лидер тот, кто разрабатывает, "подписывает" инструкции, они истекают из его санкции и в нем самом обоснованы. Но институальность, так или иначе, характеризует авторитет любого рода, он имеет "место" и "пространство": клуб, церковь, место в саду, частную квартиру, редакцию ... это кружок или партия, секта или вселенская церковь. Авторитет создает социальное пространство и время, где время — время существования "формулировки", внутри которой и на основе которой человек воспринимает свое и других время и пространство.

То, что называют часто "объективными истинами", есть в сущности объективное существование авторитетов и сознаний, ориентированных на те или иные интерпретации разнородного опыта существования, создающие, в свою очередь, новую реальность, реальность существования предписываемого образа жизни, мышления, способа выражений чувств, стереотипы

соглашений, воспитания, образования, преследующие задачу — подготовить человека функционировать в социальном времени и пространстве, это — реальность существования социально ориентированных людей.

Социально ориентированный человек верит, что мир уже познан, описан. "Да, конечно, многое еще неизвестно", — но само неизвестное оттеснено на периферию его сознания — как дежурное суждение, тайна всегда за его затылком, — перед ним прозрачный мир, он полагает, что каждая формулировка и каждый авторитет обосновываются на знании фундаментальных фактов, или на более авторитетных принципах, он не утрачивает эту веру и тогда, когда эти основания им представляются смутно, например, — авторитет откровения, или науки, "гения" и пр. Он не может допустить, что в основу авторитетной для него интерпритации легло лишь предположение, "одно из представлений". Стремление к полной прозрачности окружающей действительности, одновременно является и стремлением к полной вере и сосредоточенностью на знаковых системах, словесно, символически и другими способами выраженные нормы, правила, законы. Эта потребность, которая требует знать: что есть что — есть обретение ответа на вопрос в знаках, это переход к семантической действительности, а не вторжение вопрошающего интелекта в "хаос". Таким образом, второе "что" есть выбор авторитетного свидетельства, но не познание, постижение, проникновение.

Понимание является собственным фундаментальным основанием социальной ориентации и ее горизонтом. При завершенной социальной ориентации индивид "знает все"; но чтобы знать

все, нужна организация самого знания, непротиворечивость во всех его звеньях, логическая выводимость одного смысла (единицы понимаемого) посредством другого, что в равной степени относится к изучению химии, юриспруденции, так и магии и мистических свидетельств. Это формальное требование глубоко органично, ибо радикально связано с реальностью знаково-смысовых систем и определяет модус самочувствия себя в мире, степень веры в него, а, следовательно, и в свои возможности бытия в нем. Развитый социальный человек настаивает на обозримости всего социального времени и пространства. Существует лишь то, что уже понято и обозначено и доступно понимание. Это требование является активным принципом организации самих социальных институтов, и оценки "продукции" - ясность, четкость, логичность. Постольку, поскольку эти качества воплощены в социальном устройстве, социально ориентированный человек обитает в мире, который создан его направленностью и создан для него.

Формальная проблема, то есть та, которая имеет в виду как раз тип мышления социально ориентирующегося человека и решаемая не на уровне фактов (первого "что"), а на уровне формулировок, увязываемых на основе некоторых постулатов (факты важны не сами по себе, а системы фактов), оказывается для благополучия социального мира значением первой величины, это сердцевина, мета-стандарт для всех смысловых систем, являющихся авторитетными в обществе. Здесь социальное сознание, как сознание, находит свою онтологическую основу ("в начале было слово") и одновременно пытается преодолеть

свою слабость, точнее - ограниченность того, что оно не исчерпывает онтологического основания человеческой духовности вообще. Оно верит, что такие постулаты существуют (сверхавторитет), но здесь, если вера не отстраняет разум, ориентированный на понимание, если социальное сознание предъявляет и постулатам требование логики и прозрачности, то она приходит в "смущение". То есть, социально ориентированное сознание может создать такую интерпретацию мира, которая объяснит ему "все", но он не может вывести из формулирующего "все" - все богатство мира. Поэтому доктрина социальных смысловых систем тщательно охраняется, она "выводится" за систему логического мышления, более того, опасность для ее существования кроется уже в рассуждении на ее счет, ибо размышление о доктринах есть акция сомнения.

Социально ориентированный человек склонен скорее принять сомнительный постулат, чем отказаться от него, ибо на карты бросается не только опасность быть обвиненным в отклонении, но и утратить свое самочувствие, свою веру, свою духовную самость, ему более свойственно стремление уточнить формулировки, чем признать их ограниченность в общем. Только этим можно изъяснить те огромные интеллектуальные усилия, которые предприняты обществами для выработки своих доктринальных основ, и понять, что сколастика глубоко онтологична, ее призвание - убедить: - да, перед человеком в законах и в беззакониях прозрачный мир, обозримый до самых отдаленных окраин, ключи понимания находятся в его руках, какова бы ни была и не будет перед ним реальность.

Любого рода "прорека" в интерпретации ставит под сомнение

ние всю структуру существования социально ориентированного человека, мир становится глубинно двусмысленным и опасным, ибо лишенная "словестного покрова", "голая", необозначенная реальность пробуждает в нем страх и стремление к смерти (довод самоубийцы: "жизнь потеряла смысл").

Таким образом, именно тот, кто стремится понять мир до самых его отдаленных окраин, именно, в завершающих актах постижения наталкивается на абсурд, которому он не может противопоставить из себя ничего другого, как веру: сверхавторитет есть! ("Верю, потому что абсурдно").

Обыденное социально ориентированное сознание обретает свое содержание в промежутке между своими стремлениями ("чувствами", "стимулами", "желаниями", "привязанностями", "симпатиями", "намерениями", "потребностями" и т.д.) и найденным авторитетом ("мнением", "инструкций", "советом", "должностью", ~~и~~ "говором", "рекомендацией", "разъяснением" и т.п.). До тех пор, пока социальное сознание не обретет предметно-существующую авторитарную санкцию, пока оно не изыщет уверенность: не установит тождественность своего устремления и этой санкции, его устремление как бы не существует, оно остается подавленным, вытесненным за порог "ясного сознания". Если представить: Содержанием намерений социально ориентированного индивида является АВСД, а авторитетно санкционируется АД, то предметом ясного сознания (стремления) становится лишь - АД; ВС - "выводится за скобки". Поэтому Иван всегда есть Петр или Степан, но никогда не Иваном самим по себе. То, что в каждую эпоху вытесняется в досознательное имеет свой содержательный объем и свое наименование: "грех", "соблазн", "от-

"ступничество", "предательство", "аномалия", "аморальность", "бездействие" и пр.

Каково бы ни было положение человека в обществе, для него ясно, каким он должен стать. Четкость в обрисовке должного, логичность основных и специальных инструкций, ощущимость успеха, если им они выполняются: вознаграждения, повышения, отличия, - питают энергию и энтузиазм социально ориентированного человека: перед ним "широкая дорога" и "заманчивые горизонты", жизнь, полная насыщенным содержанием.

Строение общества настолько сложно, его иерархическая лестница настолько длинна, авторитетный фундамент настолько развит, что уже в Древнем Риме, где структура социума была неизмеримо проще, достигнуть положения консула, легата, прокуратора было труднейшим делом даже для мощного социального ума и характера. В современном обществе высшие посты мыслится " рядовым человеком", как вознесенными на невероятную высоту. Это отчуждение, точнее невозможность конкретно мыслить человека, наделенного высшими прорегативами власти, выражается в слове "они". Что они там думают!.. но в то же время, власть - это предметное выражение трансценденции авторитарного типа.

Авторитет сосредоточен вокруг целевой установки, санкционирует некоторое устремление, но не всегда регламентирует способы действия. Именно поэтому для социально ориентированного человека представляется богатые возможности для проявления индивидуальных сил. При всех ограничениях, налагаемыми директивами, совершенно ошибочно повторять вслед за грибоедовским

Молчалиним: "Не должно сметь свое суждение иметь". Социальный человек с такими представлениями далеко не пойдет, - упорство, сообразительность, гибкость в манипулировании средствами и способами достижения цели, - непременные признаки человека, с успехом подвигающегося на социальном пути. Но мере продвижения по служебной лестнице, все более возрастают требования - уметь "формулировать задачи", и, наконец, там, где поток информации, подлежащий пониманию, превращается в необозримую массу, там "схоластические" приемы ее обработки становятся единственными возможными и правильными, мир изменений должен быть интерпретирован, как мир неизменный. То есть, во всем новоявленном богатстве схоластический прием позволяет увидеть "то же самое", - "неизменность основных принципов", "преданность основным идеям", непоколебимость тех авторитетов, на которых основан структурный, иерархический порядок социальной системы. Система жертвует только одним - приемами и способами достижений цели ("инструментами"), но она не может отвергнуть сами цели, свою доктрину, ибо таким образом она бы сделала социальную ориентацию принципиально невозможной.

"Догматика" общества может не меняться веками, но это не мешает чрезвычайному богатству форм его жизни, более того - стабильность, "вечность" ее исходных положений - показатель высоких достоинств социального устройства - внутреннего порядка, эффективности, "уверенности" в самочувствии - вовании себя самой. В таком обществе, где бытие завершено интерпретировано, где "путь на верх" освещен и ясно детер-

минирован (в категории "соответствий" и "несоответствий") для каждой иерархической ступени, там появляются гениальные администраторы, законодатели, комментаторы, там страх преступить авторитетные запреты поддерживает напряженность морального пафоса, там всякого рода отклонения от социальной ориентации расцениваются, как недомыслие, слабость, "философия", безволие, "либерализм" ... Там достигается слаженность всех частей общества - и школы для детей и государственной академии, солдата и поэта, чиновника и проповедника, именно тогда возможно соревнование, которое не переходит в нарушающую гармонию соперничество.

Ориентация на социальные ценности, глубокое и трепетное отношение к директивам и, особенно, - к догматике общества, ревностное служение и постоянная готовность осуществить указанные цели, не покушаясь на "священные реликвии" и "основные принципы", иначе говоря, наложение страстного индивидуального отношения на схемы предложенного способа существования, порождает социальный романтизм, который проявляется в том, что само рвение, страсть, энтузиазм могут "показать", "проявить" себя не иначе, чем создав некоторую специфическую форму отклонения от образца, в противном случае, - все эти чрезвычайно ценные атрибуты существования социально ориентированного человека окажутся нигилизованными, или - нигилизован сам социальный дух (пафос, вера, преданность, послушание). Вот это выражение индивидуального и вдохновенного, эта готовность отличиться и "получить отличие" и создает декоративную

многообразную разработку основных и специфических авторитетных стереотипов. Декоративность есть переживание свободы в заданной ограниченной сфере, или: свобода в строго детерминированном мире выражает себя в декоративности.

Военная служба: дисциплина, уставной порядок, тщательная и развитая регламентация, — казалось бы, не оставляет на долю инициативы ничего. Однако, и армия — это живой, постоянно меняющийся по форме организм, и опытные военноначальники мгновенно чувствуют творчество форм под внешним однообразием. Например, сержант, рапортую начальнику, допускают два отклонения, — он несколько разворачивает ладонь, приложенную к виску, в сторону начальника, — этим невольно "показывает" "открытость", интимную сторону своей доверительности, но это отклонение от уставного описания "рукоприложения" допущено чуть-чуть, настолько, насколько он стремится показать самочувствие себя внутри уставного требования, — оно полно бодрости и личного переживания; второе, — фразы его рапорта скомканы, но в этих знаменитых: "Ваше благородие", "здравствуйте" — есть обнаружение и готовности быстрее закончить доклад и получить и выполнить новый приказ.

Существование бесконечного разнообразия исполнительных приемов и способов их декоративной разработки, рассвет творчества такого рода, когда вся социальная реальность пестрит индивидуально энтузиастическими отклонениями от "основ" — этот романтизм служения, полный соревнованиями, "выражениями", — неповторимыми и переживаниями стереоти-

па, это богатое насыщение социальной действительности динамикой личных переживаний, когда частная, порой чрезвычайно узкая сфера, может оказаться для индивида приложением всех его сил и возможностей, когда "режиссеры" и "церемонейстеры" оживают только в том случае, когда в каждой детали формы ("завитке", в галстуке, манере, в каждой строчке ...) могут усмотреть весь интерпретированный мир, — этот период бравады и подвигов, роскоши форм, сменяет пора форм суровых, лаконичных, четко структурных. Здесь мы говорим о законе формообразования внутри социальной ориентации.

Такой поворот к новым принципам формотворчества, объясняется тем, что пестроть многообразия индивидуально энтузиастических проявлений затеняет, отодвигает на второй план обязательное общее в основной интерпретации социального времени и пространства, чистоту его авторитетов (пантеон), догматику, — и тогда возникает пора классического периода в формотворчестве, ниспровержение многообразия ("мипус-прием") "субъективности", романтизма, это возвращение вкуса к абсолютно точному следованию уставам, директивам, нормам, но причина такого поворота в формотворчестве остается той же, что и в романтической, ибо возвращение к "основам" является признаком и выражением того же энтузиазма и той же "субъективности социально ориентированного человека; изменились лишь формы для обнаружения ее. Возникает иллюзия, что "старые принципы" засияли первозданной свежестью, как будто освободили подлинное творение мастера от легкомысленных упражнений юнцов.

Аверинцев прав, настойчиво показывая насыщенность византийской письменности разнообразными формами как пример того, что доктрина и жесткая структура общества не лишает человека творческих возможностей. Следует, однако, заметить, что невозможность отличить, к какому времени относится тот или иной памятник этой письменности, объясняется часто тем, что "развращенный Константинополь" проявил неповторимую в мировой истории стабильность своего идеологического и иерархического порядка. Творчество вращалось в авторитетно установленных пределах — от "классики" к "барокко", от "барокко" — к классике. И можно быть уверенным, что мастер поздней Византии, ретроспективно рассмотрев творчество предшественников, переставал творить, ибо все уже было, или менял ориентацию, устремляясь к запредельному; к за-социальному.

2. ОРИЕНТАЦИЯ НА ЗА-СОЦИ- АЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Обозримость мира, подвергшегося догматической интерпретации, четкость иерархической лестницы и ~~тех~~ установок соответствий, которые определяют успех и неуспех, повышение и понижение на ступенях иерархической лестницы, — одним словом, весь дух социально ориентированного человека и все содержание его существования, вызывает у индивидов иной духовной конституции реакции совершенно противоположные: скуку, иронию, депрессию, — они оказываются неспособными жить в мире, в котором все известно. В мире, в котором все повторяется: Иван похож на Петра, авторитеты уже установлены или границы должного и возможного, — жить не стоит. Их внутренний мир насыщен несанкционированными стремлениями; "подсознательное", "иррациональное", "греховное", с трудом удерживается "крышкой социальных должествований". Индивиды чрезвычайно богатого опыта переживаний и стремлений стоят перед необходимостью в их широком санкционировании. Реализация этой потребности протекает как ревизия авторитетов. Достигая основ "догматики", они не находят в ней ни ясности, ни убедительности, ни разрешенности быть, ^{санкционированием} "подполье" их духа обречено существующими авторитетами оставаться "подпольем".

Нереализуемые возможности — есть то, что придает их существованию специфическую эмотивность, направленность и содержание их интуиций. Если социальный человек утаивает несанкционированное авторитетами содержание, то ориентация ино-

го духовного типа направлена как раз на это скрытое: за А, В регламентированного, оно направлено на С, Д вытесняемого и вытесненного содержания. Предметом сосредоточения и мышления становится таким образом другая реальность, не обозначаемая, не сформулированная, но тем не менее существующая, являющаяся незнаковым континуумом мира.

Не отдавая отчета в том, каков их тип духовности, индивиды этой ориентации все же интуитивно понимают: они суть отклонения; и это дают ^{зн.} понять и другие. Они изыскивают занятия, которые допускают значительные отступления от регламентации или такие, где регламентация элементарно проста: "сидеть и смотреть", "включать и выключать". Их память собирает как примеры "успешных" отклонений, так и случившиеся нелепости, проистекшие из способа поведения социально ориентированного человека: почтительного отношения к инструкциям. Молодцеватый в восторге служебного рвения сержант, вызывает усмешку. Они совершают ошибки: опаздывают на совещание, потому что им кажется, они достаточно информированы, рассеяны в тот момент, когда социально ориентированный человек переживает свой "звездный час", они вступают в споры о цели, что является для их антипода по ориентации, нелепостью, или признаком высокомерия, ибо о цели знает лишь признанный авторитет, имеющий все прерагативы авторитетности: "должность", "награды", "звания", "напечатанную книгу" и т.д. Они не находят вкуса в безукоризненно тривиальном способе действия, но вполне ценимом и потому наиболее верном с точки зрения социально ориентированного человека. Отклонения – суть отклонения от социального времени и пространства, поглощенность и существование в за-соци-

циальной действительности.

При всем том, что они могут часто говорить об "~~отсутствии~~^{чего} возможностей", они как раз чаще всего бывают "формалистами", так как склонны отделяться от выполнения указаний — "выполнять ^{с их} от сих до сих", ^{в грешках} что заставляет собственно социальные проблемы, потому что подлинный социальный "формализм" требует воодушевления, творчества, "духа служения". Авторитаризм они могут понять лишь, как автоматизм и тем самым обнаруживается их "алиби" в пределах социальной ориентации: они присутствуя отсутствуют, и эта их странность — предмет иронии за их счет.

Они вносят дисгармонию в социальный организм не только тем, что плохо исполняют директивы — "некудышки", "забывчивы", "путанники" — но и всем своим духом, реакциями другого рода на события ("неуместный смех", "витание в облаках", "не замечает главного" ...). Их интуитивно угадывает каждый способный администратор и совершенно справедливо расценивается их социальные возможности скептически. Это и есть те "философы", "неудачники", "поэты", "либералы", то есть "адвокаты" ненормированного поведения, — одним словом — "интеллигенция", столь мало пригодная как для подчинения, так и для того, чтобы являть из себя непротиворечивый авторитет. Иногда они достигают высоких ступеней на социальной лестнице, но как правило, это исключение, "счастливый случай", "стечение обстоятельств".

Для социально ориентированного человека — "хороший руководитель" тот, кто претендует на более высокое положение, следовательно, способный подняться, и "потянуть" за собой

своих помощников, для человека за-социальной ориентации — это руководитель, разочарованный в своих возможностях и оправдывающий разочарование неуважением к авторитетам, "несправедливостью порядка" или общими философическими рассуждениями. За-социально ориентированный человек не может подняться выше того положения, на которое он "попал" по условиям своего происхождения, образования, — его "посадили на место", исходя из стереотипных представлений о возможностях каждого "Петра и Ивана", сам он может опуститься только ниже. Стоит только отаться своим "влечениям", "странныстям", "кажущемуся", как "путь вниз", на периферию социального мира становится естественным продолжением его биографии.

Какова бы ни была интерпретация своего "падения", как бы индивид не оправдывал этот факт виной других, человек за-социальной ориентации глубоко чувствует, что наступило "освобождение", его мир "посветел", ибо для его сознания инструкции не изъясняют существование, а закрывают его. Момент поражения на социальном поприще, которое объясняется в категориях социальной ориентации: "не понял ... и не спровоцился", "не уважал" .., "не проявлял готовность", и т.д. является решающим событием для обнаружения своего типа направления. Социально ориентированный человек ^{в этом случае} ~~ощущает~~ потерю смысла, "пустоту"; менее трудные для исполнения инструкции не пробуждают и не раскрывают, он чувствует, его силы; люди, которые его окружают на более низкой ступени социальной лестницы вызывают неприятие недостатком "энтузиазма", "сочувствий" по части исполнения директив. Он получает экзистенциальный урок: строение социальной иерархии он переживает, как полную глубокого, всеобъемлющего смысла, укоренен-

ной в бытии людей и вещей, он испытывает тоску по утраченным достоинствам и наказание вызывает покаяние. Он внутренне склоняется перед авторитетами и социальными ценностями (комплекс

). "Самоуничтожение" есть уничтожение "подсознательных" мотивов, их торжественное и страстное захоронение. Это очищение возвращает его к социальной ориентации как почтительного и смиренного "верующего", "служащего", "исполнителя". Его "лесть" искрепна, угодливость — подлинна, его вера — истинна.

"Падение" как "освобождение", как более полное нахождение себя, — экзистенциальный опыт за-социального человека. Он понимает, что, по мере продвижения от центра социальной иерархии к периферии, перед ним открывается "подлинный мир". Директивы, нравы, манеры, — весь этот социум, в котором все полно "знаков", а их переживание — законченностью и напряженностью, вся эта "искусственность" — вся эта позэия почитания авторитетов, "философия карьеризма", вся эта система наград и отличий, пошлых фраз, декорация жестов и отношений, эта самонадеянная уверенность в том, как надо жить, — на периферийных окраинах ослаблены. С каждым шагом "вниз" все плотнее окружение "чудаков", людей "со своими идеями", "страстями", "маниями", "манерами"; здесь говорят об отклонениях, как о чем-то интересном, и рассуждают о целях всей системы, как вполне доступном предмете для обсуждения. Социальные окраины с трудом поддаются инструктированию, здесь есть свои способы выживания, свои уловки избегать выполнения приказов. Меры наказания утрачивают свою силу, "человеку нечего терять", его труд не означает ничего другого, кроме как заработка на хлеб насущный. "Хлеб есть хлеб", что

есть что, это хлеб - не от тела Иисуса, и не продукт - славного сословия, не подарок, не подаяние, между хлебом и человеком нет никакой интерпретации, регламентации, ритуальности.

Неизвестная последовательность событий, непредусмотренные итоги опыта, принуждают человека радикально изменить жизненную позицию, всякого рода предустановленность оказывается опасным предрассудком, всякое правило, ничего не регулирующим, ему ничего не остается, как опираться на интуицию, на импровизацию поведения, находить новые "выражения" для обозначения этого, являющегося как Бог из машины, мира. И далее - "пустыня и звезды", неясные страхи и смех, трудно доступные для разъяснения. Практически - это привычный аскетизм, это - способность распознавать необозначенное, и вся жизнь - опыт, в котором собственная жизнь - единственное осуществляемый эксперимент. Здесь необходимо устанавливается единство между чувством и разумом, чтобы не быть застигнутым врасплох; обостренность слуха и зрения, легкая подвижность ума. Это бодрость, вытекающая из краткости осмысливания и прямого пути к осуществлению своих стремлений. Здесь нет сотворенного мира, он вечно творится и своей новизной постоянно заставляет о себе. Здесь цели и средства нераздельны, ибо средство не есть форма, а такое же существование, как созерцание достигнутого результата.

Однако, это "открытие мира", запредельного по отношению к социальным авторитетам, не есть то, что стало известным только тогда, когда за-социальный человек оказался на периферии - в принципе, он всегда был более ориентирован на "тайну", чем на го-

тевые объяснения сущего. Что есть что? — этот вопрос им переживался не как предложение выбрать или тайну или объяснение, это тот вопрос, который допускает, более того, — требует проверки, иначе говоря, "тайна" столь же авторитетна, как авторитет, и авторитет никогда не может быть более авторитетным, чем значение самого обозначаемого. "Знак", "формулировка", "закон" и т.п., в целом — интерпретация вселенной, не сообщает ему той веры — уверенности, которая следует за выбором социально ориентированным человеком, когда "тайна" просто перестает существовать, а вместе с тем и всякая возможность для существования за-социального бытия. Присутствие запредельного мира для познания человека полярной ориентации является фундаментальным фактом; сам социальный мир он видит иначе: за инструкциями и ролями, должностями и правами он усматривает кишение хаоса, признаки сдвигов, подобных горным оползням, нерегулируемую игру сил, присутствие необозначаемых пружин действия. То есть, регламентация для него — это лишь новерхностное проявление того же запредельного, таинственного, которое прорывается сквозь все заслоны авторитарного сознания и выдает себя тем или иным образом. Для его сознания фактически никогда не прекращается сличение авторитетного заявления (исходящего из уверенности: "я знаю") и бытия, и далее, сличение сущего с тем, за кого оно себя "выдает", — каким "кажется", "представляется", стремясь занять (если говорить о человеке) почетное место среди социальных авторитетов (не быть, а казаться).

Таким же образом, за-социально ориентированный человек "выдает" сам себя, когда принужден существовать среди соци-

ально ориентированных людей и внутри их учреждений и сообществ он — чужой среди них, при всех стремлениях "казаться" им подобным. Но это отчуждение — не есть намеренная злость, а тот действительный раскол, который заявляет о себе и на уровне простых психических реакций. Стремление "вписаться" не может осуществиться иначе, чем посредством автоматизма, желанием "ничего не видеть и не слышать", "прийти на работу и уйти" ... Скрупулезное соблюдение ритуалов социального функционирования — попытка двусмысленно решить проблему духовного алиби. И не быть в социуме, и обозначить свое существование в нем — упомянутый автоматизм.

"Путь вниз" — это, если можно так выразиться, — профессионализация за-социально ориентированного человека, выход из двусмысленного положения и обретение самого себя. Это духовный акт, и в том случае, когда его изгоняют социально ориентированные — это их акт духовного очищения, и когда он сам покидает их, исходя из понимания своей собственной судьбы. Николай I был прав, когда написан на полях дипломного проекта Ф.Достоевского, что-то вроде: "Дурак", — выпускник военно-инженерного училища забыл в чертеже крепости предусмотреть, хотя бы единственные ворота, и прав Ф.Достоевский, который не менее решительно подал в отставку, не прослужив в военном ведомстве и года. Законники и царемонисты, почитатели авторитетов и чиновники, служаки и герои выполнения директив, — их ему нужно пройти, как сквозь летнюю паутину. И так Христос проходил толпу книжников и начетчиков. Но книжники и начетчики не исчезают; учение Христа, в свою очередь, обрело со-

циальную значимость лишь тогда, когда новые книжники и начетчики сформулировали доктрины на основе Его учения, отрегламентировали откровение во всей плоти социальной жизни, посредством языка директив и инструкций, иерархии и чинопочтания. Разделение людей по типу ориентации - никогда не прекращающийся процесс, входящий важнейшим и неисчезающим моментом в духовную жизнь человечества на всех уровнях, во всех консолидациях, во всей его истории. Эта духовная история человечества заполнена жестокими диспутами, взаимными обвинениями и запоздалыми признаниями. Критика с той и другой стороны фундаментальна, различия между людьми по типу ориентации обладают онтологическим характером.

3. ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

За-социально ориентированный человек от отрицательных атрибутов, которые сопровождают его в мире социальных значений, должен прийти к позитивному открытию своего типа духовности. Он должен в конце концов уяснить, что в слаженном мире социального функционирования он оказался "заброшенным" случайно. Но существует опасность ответить на социальную негативацию негативацией, на анафему — анафемой, и из протеста самовольно присвоить неприсвоенные звания и заслуги. Эта психология реванша роковым образом влияет на индивида за-социальной ориентации, когда опыт его существования и иначе-ориентированном мире имел характер травматического унижения, длительного третирования или наказания. Все, что протестует, он объявляет об "аристократизме духа", о несправедливости мира — и о — ~~пограничным~~ жителем, — не потому что ему суждено сыграть какую-либо замечательную политическую роль, и не потому, что он "неизмеримо выше" этого "стада чиновников", в конечном счете, его не "выбросили" из социального дома, — его пограничность вытекает из типа его духовной конституции. Существование на границе — там, где заканчиваются человеческие поселения, перед лицом неизъясенного, невыраженного и непонятного, — единственный способ его существования и это более свойственное ему **место-положение**. Он не должен интерпретировать себя в обозначениях, относящихся к иному духовному миру. Он "заброшен сюда" "трансцендентальным замыслом человечества", и его судьба — есть его собственная судьба.

Институализация культуры так, как она открыта само-определенящему мышлению, — культурное движение, полное об-

манчивых отождествлений, опасных "ловушек", иллюзий как на свой счет, так и относительно окружения, в которое попадает инвалид. Он может себя смешать с теми, кто оказался внизу социальной лестницы не в силу за-социальной ориентации, а потому, что при всех эспектациях на социальное продвижение он оказался по ряду действительных причин: безволия, глупости, болезненности, неумение функционировать в декретируемых рамках. Эти "жители трущоб" и герои "поражений", алкоголики, "невротики", которые если и нуждаются в чем-либо, то в больнице, в подаянии и в пособиях. Они оказались здесь не потому, что черпают пафос в противостоянии неведомому, испытывают азарт "некоженных дорог", не потому, что они хотели прорваться сквозь "текст" к звездному небу, это не подвижники, не созерцатели первозданности, но, не достигнув "положения в обществе", они или давно махнули на себя рукой, или маниакально продолжают ориентироваться в плане иерархической лестницы: "Да, Макдональд голова!" "И Клеманс голова!" И в бреде безумия им кажется, они все же исполнили свои честолюбивые замыслы: "Я бей турецкий!" И на "Дне", кому это неизвестно, — с воодушевлением толкуют о лидерах и о их достоинствах, и здесь умеют третировать за-социально ориентированного человека.

На границе социального мира оказываются и те, кто принадлежит к "аппаратной оппозиции". Люди оппозиции черпают свои идеи из ошибок правления и живут ожиданиями социального краха. Свои надежды они поддерживают преувеличениями "наступившего кризиса", непорядка, недовольства. Этот консолидат, создаваемый по всем законам социальной ориентации: с иерархической системой, с четкими инструкциями и жестким

контролем над своими членами, где вера в оппозиционные

и собственную доктрину поддерживается со всею страстью и убежденностью: философии, право, искусство, история, — все, что свойственно любой социальной структуре призвано и выполняет роль "запасного варианта". Оппозиция мгновенно может развернуться в новое правительство, выслать эмиссаров осуществлять власть на местах и формулировать директивы. При всем радикализме своей терминологии, при всем, часто базупречном героизме с духовной точки зрения, — это есть социальная ориентация духовно идентичная той, которой придерживаются правящие, господствующие институты. Члены оппозиции не получают вознаграждения, им не ставят памятники, их личные качества не утверждаются в качестве гражданского эталона, но они умирают во имя будущего господства в социальном мире, с высказыванием своих основных инструктивных положений, в которые они верят точно также, как в то, что после ночи наступит день. Аппаратная оппозиция имеет свой пограничный модус существования: суровый предумышленный аскетизм, беспрекословное повинование "центру", культ организованного труда, круговую поруку, свой язык и клички ... Все это неожиданно напоминает "тюремно-каторжный" мир, иначе говоря, представление о наказании социально ориентированного человека совпадает с его идеалами, когда он сам оказывается в оппозиции. Это два полюса одной и той же системы мышления.

За-социально ориентированный человек должен понять глубокое различие между периферийным существованием, скажем, народника и Толстого, австрийца Кафки и австрийца Гитлера, Н.Добролюбова и Б.Савинкова ... Как бы ни были далеки от

нас времена, мы всегда обнаружим это радикальное различие среди тех, кто с внешней стороны неразличны. Мы найдем изгнанных царских сыновей, которые на Гужине возвращения, и мы узнаем о принце Гаут^(Будда) Мане, который отказался от всего, чтобы обрести истину. Понимание своей судьбы должно сообщить подлинному пограничному жителю спо-кое-
ст-в-и-e, его непровоцируемость ни на соблазны карьеры, ни на успехи бунта. Он должен освободиться от иллюзий относительно своей социальной роли и относительно своего внешнего окружения. Пусть его не обманывает некоторые сходства поведения с теми, кто обитает здесь в силу других причин. Он должен остаться там, куда он пришел, и обитать здесь без ропота и двусмысленности, — профанации своей духовной сущности.

Он, — свидетельствующий о том мире, который окружает собственно социальный мир и проникает миллионами путей в социальные образования, которые, в свою очередь, сильны до тех пор, пока не утрачивается понимание этого фундаментального факта. Он заброшен сюда, не для того, чтобы предаваться грустным размышлениям — "мировой скорби", он стоит здесь, как первая защитная линия человечества, осажденного океаном бытия. За его спиной не "служаки", и не "солдафоны", тщеславные ничтожества и т.п., а собственно человеческий мир со своими внутренними проблемами и собственными законами: там не познают, но там комментируют, так не открывают новое, но оприходывают новое в человеческий быт и уют. Если там верят в порядок, то там верят также и в то, что кто-то выполняет другую провидцевскую роль: Бог, герой, вождь, гений, наука .., если там царит бес-

печное спокойствие, то там считают, что вокруг не хаос, а космос, не безъязыкая стихия, а точно сформулирования действительность, внутри его не психическая бездна, а только "поэзия", "социология", "медицина". Для пограничного человека формулировка не снимает проблему, ибо проблема в том и состоит, что, как бы не возносился человек и как бы не оглядывая самодовольно свершения своей воли и своих рук, звезды молча смотрят на его усилия, а хаос безъязык как смерть.

Граница человеческого мира, таким образом, становится центром стяжения людей за социальной ориентации, институализация людей этого типа духовности - и есть то, что называют культурой в узком смысле этого слова. Консолидации внутри культуры основаны не на авторитетах, а на трансцендентных усилиях. В конечном счете, авторитетом обладает тот, кто способен выходить за границы существующих формулировок и как неизбежное следствие - поколебать значение авторитетов, как бы они ни почитались. Признаком "некультурности" является не то, что человек "мало знает", "плохо помнит", "неясно выражается", а его неспособность выйти за пределы уже известного, в сущности, триадального. "Некультурный" человек может быть прекрасно ориентированным в сфере культуры, но он остается авторитарным человеком, - чаще всего является тем, кто изъясняет, "пропагандирует" новые обретения культуры, - но не более. Такой человек может принадлежать аппаратной оппозиции и утилизовать некоторые новые культурные достижения, как "пункты" своей программы. Но, собственно, острье культуры, развитие ее духа - это вхождение в хаос, честность перед неведомым, бодрствующее сознание перед

бессмысленным, выдержка и терпение в опыте - до той поры, пока в шуме бессвязности, в явлениях без смысла и намерений не пропадают черты ясности. Человек культуры вновь и вновь, в персонифицированной форме переживает ^{глобальный} ~~глобальный~~ факт - заброшенности ^{в нечеловеческий} в чисто человеческий мир, в этом акте выходления за все готовые смыслы, он вновь и вновь повторяет в своей простоте и чистоте историю "заселения мира", очеловечивание, обетование его. "Называя" эту противостоящую ему реальность, постигая ее "лукавость", ("но не злонамеренность"), оставляя за собой "след слов", он оставляет за собой реальность уже первично социализированную, и социально ориентированный человек, исчерпывающе характеризующий себя, скажет: "В начале было Слово", но вначале был Хаос и человек, который вошел в него и обозначил.

В этом выходении за пределы готового смысла, регламентированных гарантий, в этом "приключении", похожем на прыжок в расселину, дна которого не видно, у человека нет другой опоры, кроме своей "человеческости", различительной силы чувств, разума и той духовности, которая привела его к этому приключению и сохраняет в нем человека, когда он предстает перед лицом безчувственного, неразумного и бездушевного. Мы знаем не только счастливые возвращения, "с кораблями, полных дивных плодов", не все, подобно Одиссею, прибывают к родному берегу. Смерть, разрушение духовной структуры, безумие, приближение которого с очевидностью порой предчувствует человек, бессмысленное бормотание, миражи истин и красоты, так и неподдающиеся высказыванию, и ужас перед возможностью распада ... и новая "вылазка", для итога

которой не имеет никакого значения ни предусмотрительная осторожность, ни запрограммированный авантюризм. Суть в том, что человек должен раскрыться, "выйти из себя", "выбраться из-за доспехов социальной защищенности, но и ограниченности, он "божьей искрой" должен сверкнуть во мраке, осветить его или погаснуть.

"Вместимость" нерегламентированного содержания или готовность постигнуть его, - такова постоянная готовность пограничного человека, корень его жизненной позиции - и это является постулатом этики культуры. Успехи постигающего духа всегда колеблют авторитеты, но это не означает, что внутри культуры царит хаос. Здесь нет иерархии, но есть свои "дорогие имена", здесь нет учеников, но есть градации по степени "трансцендентности", здесь учреждения ничего не значат, но существуют "направления", "школы", "течения", здесь соглашения, завизированные на бумаге, ничего по существу не стоят, но есть согласия между людьми, которые, возможно, никогда не видели и не увидят друг друга, здесь не принимают присяг и не дают клятв, но умирают, не теряя знания своего предназначения. Здесь "роли", "трафареты", - пошлость любого рода - абсолютно неуместны. Здесь предписания принимают с насмешкой или пожатием плеч. Здесь предписания принимают с насмешкой или пожатием плеч. Здесь не прощают ни скрытости, ни декоративности, здесь всякое скрытие есть хаос, которому привыкли противостоять.

Институализация культуры - освобождение индивидов за-социальной ориентации от авторитарного типа мышления, от иерархически организованных отношений, осознание своего

призвания в судьбе человечества, определение своей позиции, как открытой нерегламентированному содержанию, полагая ее своим правом и началом своей этики: бытие, в качестве факта любого порядка, не может быть отчуждено от стремления к его постижению, — таков постулат культуры. Институализируя себя, культура выходит за пределы социальных антагонизмов.

4. СОЦИУМ И ЗА-СОЦИАЛЬНОСТЬ

Социальные авторитеты обладают огромной силой внушенной веры, их величие открывается во время массированных усилий — в крестовых походах, в переселениях народов, в войнах, грандиозных кооперациях организованного труда. Хаосу противопоставляется нечто неизменное, определенное, — в сущности, уже определенный смысл, интерпретация ситуации: это то, что потрясло варваров Дария, — греческие когорты двигались по полю битвы, как одно существо, — они исходили из плана действия, — и гибель отдельного воина не имела значения, — на его место вставал другой. Этот силлогизм, воплощенный в действии тысяч, лишенный боли, ужаса, "всего человеческого", сокрушая хаотического варвара, подверженного власти впечатлений, страдания, страха, гнева и они назвали и, видимо, верили в это, — эллинов "бессмертными". Мы не уклонимся в сторону, но лишь иначе обозначим тоже самое, если обратимся к метафизике Платона: как греческие когорты разрезали хаотически "страстные" толпы варваров, так и ИДЕИ философа прорезали хаос чувственных впечатлений и заключали их в ясную интерпретацию всеобщего блага и абсолютной истины. И далее, мы найдем у философа строгое иерархическое строение "государства", увенчанное восседающими на его вершине философами — этими живыми интерпретаторами бытия призванных вести человека сквозь несформулированный и "бездейный" мир. Более того, философ, который дал первую "замкнутую" концепцию сознания социально ориентированного человека (здесь мы находим пафос логики и ясности, ие-

пархии и единства) – уже двадцать пять веков назад отвел место для поэта на периферии социального мира и словно предписал социально ориентированному человеку всегда воспринимать пограничного человека с одной стороны, как детерминировано вписанного в систему социальных отношений, а с другой, – отводил ему место в одном из последних разрядов граждан. Поэтому мы можем назвать возмущение Николая I некрологом в "Вестнике Европы" на смерть Пушкина: "Солнце русской поэзии закатилось ...", – "платоновским", ибо Пушкин не был ни воином, ни чиновником, ни даже ремесленником, чтобы о его смерти говорить так космически.

Прозрачность, царящая в мире социальной ориентации, переживающем свой расцвет (этап примитивизма), и дух надежды на будущее, создает представление, что весь социальный мир восходит к некоторому другому качеству, между тем, как реальность "восхождения" – это лишь реальность продвижения многих по ступеням иерархической лестницы; развитие социальности – это практически проникновение авторитетных установок в массу и обучение их способом осуществления. В "восходящие эпохи" самый ничтожный человек надеяется неограниченными перспективами, каждый может быть в принципе кононизирован, "если он...". Пограничные жители в такие эпохи утилизируются. (В средневековье, например, цехи попрошайк, институт юродивых, "сирот".) Отклоняющиеся от нормы индивиды, служат "испытанием веры" для нормального; в отношении к прокаженному, христианин, например, проверил силу своей любви к ближнему. В такие периоды, когда "каждый" сержант носит в своем ранце "маршальский жезл", – духовный аспект различия между

людьми, — то, что возможна принципиально другая ориентация, — уверенно социумом игнорируется, классификация осуществляется в терминах "восхождения" — "растущий человек", "подающий надежды", "он далеко пойдет" и пр. Социум приемлет всех, он безжалостен лишь к тем, кто покушается на вторитеты и не доверяет вносящим в инструктивную ясность какие-либо усложняющие соображения и предупреждения; существование должно быть идентичным интерпретации — такова воля, и таков чистый социальный дух, который все бытие заключает и выводит из существа своих формулировок и не может быть ничего, что способно укрыться от их проясняющих оценок. Это и объясняет тот момент, почему пограничный житель в эти периоды не просто "ниций", "юродивый" и т.д. — это звание, положение, точно также и — "поэт", "ученый", "философ", "художник" — чины, и все включены в ореал служения. Отклонения оприходуются как знаки того же всеобъемлющего смысла. Даже поражения и кары оказываются уже предвиденными и служащими делу веры и укреплению авторитетов. Для средневекового русского нашествия кочевников — это "батог Божий"; час войны — час испытаний, не лишенный праздничности, гибель — бессмертно, победа — "мы же говорили, мы же верили, — иначе ведь быть не могло".

Чистые авторитеты не имеют способности к изменению, уровень авторитетности — уровень неизменности, а, следовательно, стабильности; высший авторитет носит атрибут "вечный". Если изменения все же оказываются неизбежными, то они с необходимостью должны предодноситься, как уже предусмотренные, как кем-то и когда-то

предуказанные. Но даже незначительные перемены есть естественное основание для оппозиции — таков тип мышления социально ориентированного человека. Платформами для оппозиций служат следующие положения: "изменений можно не допускать", "изменения необходимы", "следует найти третью позицию между изменениями и статусом-кво". В разложении единой авторитетной интерпретации на "левую", "правую", и "центристскую" нет какого-либо объективного смысла, объективен сам закон разложения. Только апостериорно, оценивая ход социальных событий, мы можем с большим или меньшим основанием предположить, что какая-то позиция была верной или могла быть более верной, однако, апостериорное мышление не способно вывести законы наиболее эффективного поведения, ибо модус чистого авторитета не обладает свойством изменчивости. В конечном счете, сила и судьба оппозиций зависит от соотношения веры и безверия в массиве социума — на этом и обосновываются оппозиции, лидеры которых — суть индивиды, склонные реагировать на изменения тем или иным образом. Распадение единой авторитетной позиции на оппозиции (такой тип социальной реакции на изменения мы находим уже в "Илиаде" Гомера) всегда, хотя бы в эмбриональном виде, несет в себе аспект "гражданской войны". История как документальное свидетельство об изменениях, имевших место в обществе, ничему социально ориентированного человека не учит, он находит там лишь формулировки, помогающие ему высказывать свою степень веры в существующую систему ценностей (цитирование), но уже обсуждение системы есть кризис социального сознания, по-

этому каждая авторитетная система, вступая на путь измений, стремится сделать вид, что "ничего не происходит", факты, говорящие о наступивших переменах, скрываются или искажаются. Так социальный мир утрачивает свою прозрачность, инструкция — четкую основу, более не рискуют утверждать, что будет завтра и послезавтра, и даже прошлое представляется опасным. Вместо пафоса вечности и неизменности, социальный мир начинает жить лишь сегодняшним днем.

Теперь факты не могут быть описаны и оприходованы единой интерпретацией (система и факты распались на оппозиции). Это не мешает объявлять некоторые факты "подозрительными", в самих фактах социально ориентированный человек, поколебленный в своей уверенности, способен усматривать нечто враждебное, ему противостоящее, он не может — в силу своей нефактичности — интерпретировать их иначе, чем оппозиционный "умысел", т.е. переводит на язык предумышленности, логики, авторитетности, факт — знак, но "чуждой", "враждебной", "дьявольской", "антиправительственной" и т.д. реальности. Само мышление социально ориентированного человека создает преступников и само же борется с ними, оно не может представить факт как факт, лежащий за пределами готовых интерпретаций, оно скорее готово объявить все вселенную в заговоре — и тогда мы встречаем апокалиптическое мирочувствование, а в истории обществ находим трудно постижимую потребность в жертвах, — когда социальному ориентированной человек в этой абсурдной борьбе, в чудовищных приговорах, в пытках мнимых и действительных противников, в сожжениях книг получает уверенность в то, что

он может все. Это то "догматическое безумие" Савонароллы, Ивана Грозного, Гитлера ... - которое является безумием с точки зрения человека одновременно наблюдющего события и те реакции, которые они вызывают у безумного, но это то безумие; - и это абсолютно бесспорно, - которое участвует в творении истории социального мира.

Как догматика призвана придать сознание социально ориентированного человека завершенную четкость, не может в самой себе воплотить это условие, так и сам авторитет в изменяющемся мире обнаруживает "безумие", которое называют и священным и бесовским, дарующим право на бессмертие и на сожжение ("От великого до смешного один только шаг"). Это безумие, спасающее народы, и безумие, которое как моровая язва истребляет в нем все, что способно к переменам и развитию. Такова эстетика социальной истории, в периоды наступающих перемен.

Обыденное социальное сознание, то есть индивиды, которые стремятся уподобиться заданным образцам, утрачивают в "смутное время" уверенность и бодрость. Инструкции становятся подобием частной секретной переписке, подразумевается вечное присутствие врача. Вместо того, чтобы с уверенностью полагаться на готовые формулировки, социальный человек должен сам их изыскивать; сколастические приемы в обработке фактов - "изготовление" желаемого мира за счет свободного обращения с ними, - превращает его в ирониста и лишает чувства ответственности. В самом авторитете он начинает усматривать нечто таинственное, произвольное, ведущее игру по неизвестным правилам. Социально ориентированный

человек развращается, социальная реальность начинает напоминать "хаос" за-социального бытия. Вместо веры и воли к действию, вместо того, чтобы развиваться в направлении активного употребления своих сил, он принужден вечно оглядываться, "на всякий случай", "заигрывать" с теми или иными авторитетами, он вынужден говорить о целях, которые довольно трудно теперь усмотреть в двусмысленных директивах. Он "держит нос по ветру", он ощущает, что его окружает иррациональная стихия, и если он достиг успеха, то это успех сегодняшней сделки, но он не знает, как эта сделка будет расценена кем-нибудь и когда-нибудь потом. Его походка становится крадущейся, голос тихим, совещания похожими на заговоры, а стремления к повышению он должен утаивать от собственных коллег.

Как показывает история, человек за-пределной ориентации не может быть утилизован в "смутные времена". В его ориентации усматривается ориентация на некий тайный оппозиционный центр, он совершает, как полагает общая подозрительность, "сделки с чертом", совестью или врагом, его язык, обозначающий нерегламентированное содержание, кажется скрывающим подвохи и покушения "на незыблимые основы". Он представляется тем более опасным, что сам в себе несет духовную норму, подчас более ясную и определенную, чем смущенный социальный мир, он обладает действительным знанием, способностью к самостоятельному мышлению, он сам принимает решения и выполняет их, не полагаясь на кого-либо. Теперь этого человека трудно обозначить в терминах господствующих инструкций, ибо его отношение к социумом не является основными, — однако восприятие пограничным

человеком социального мира, как "хаос" может послужить "обвинительным материалом", как "намеренное искажение действительности". Социальные регалии и вознаграждения не привлекают его интерес, но его можно уличить в "отсутствии рвения". Его тем не менее невозможно "публично сжечь", потому что он более социален, хотя совершенно в другом смысле этого слова, - более целен, жизнеустойчив, самостоятелен, обладает как раз теми качествами, которые утратил человек социальной ориентации. Он более понятен, чем двусмысленные инструкции, законы, судьи, прост и искренен, фактичен, он знает что есть что, то есть его высказывания обладают теми самыми свойствами, которые утратили инструкции, конструирующие социальный мир. Он несет в себе более вечные нормы, чем нормы пришедшего в замешательство социума. Он - сам обетованно истины, он сам авторитет.

Но до того времени, пока социальный порядок не потрясен до основ, до того момента голос человека запредельной ориентации и, следовательно, голос культуры не звучит авторитетно. Вся горечь, которая исходит из осознания: великие пророчества никого не предупредили и никого не спасли, - не может изменить сознание социально ориентированного человека. Суть не в том, что инструкции для него убедительнее предсказаний пророков, усматривающих гибель и хаос под покровом декоративных аксессуаров, - социум спасает себя продолжающейся верой в инструкции, даже верой ханжеской, циничной, ибо носители этой веры так или иначе продолжают исполнять свою

роль в теле социального организма. Это тот трагический иронизм, с которым французская аристократия оставалась верной декоруму в жестах и привычках ума, несмотря на всю поразительную несообразность в хаосе, уже объявшем общество.

Социальное сознание может изменить "пантеон" авторитетов, но не способно быть само собой — неавторитарным. Истина же пророка исходит из опыта существования перед лицом хаоса, его духовная конституция выдерживает противостояние миру, безмысленному, бездуховному, в этом величественном одиночестве между ним, как человеком и вселенной нет посредников. Поэтому пророк говорит о ч е - л о в е к е вообще и от общей судьбе человечества в м и р е , в то время, как социально ориентированный человек — это "роль", "профессия", "должность". Пилат говорил об Иисусе: "Се — есть человек", но сам он только прокуратор, лишь одна из частных модификаций человека. Язык пророка, который всегда оповещает о вечном, непереводим на язык ролей и моды, карьерного успеха и газетной сенсации, но: "Умеющий уши да услышит".

Социально ориентированный человек "слышит" пророка лишь тогда, когда сам социальный мир обратился в хаос, когда ни одно из требований, которое предъявляется "знакомым сознанием" не исполняется, он способен совершить выбор лишь между авторитетами, и когда он п о в е р и л в новый авторитет, в его мышлении авторитет становится иерархом, вершиной новой социальной системы, и нужно дать лишь время, чтобы новый порядок вновь повторил все структурные моменты прежней павшей системы. Явление, когда истины запредельного существования оказываются центральны-

ми в жизни общества, можно назвать: "походом на Иерусалим". Это - обновление догматики общества, внесение в его жизнь того смысла, который будет положен в основу бесчисленного числа инструкций. На их основе общество будет функционировать возможно веками и тысячелетиями. В этой догматике как раз и заключен фундаментальный смысл человеческого существования, однако ни как непосредственный факт, - это открыто лишь культуре, людям за-социальной ориентации, - а как формулировка этих фундаментальных истин. То есть, "поход на Иерусалим" - есть внесение духовного экзистенциального субстрата тотального смысла в мир социальных ориентаций, но только культура, которой доступен непосредственно выход к за-социальному, является естественным коррелятором ко всякого рода авторитетам, по всем формулировкам, находящимся в обращении, ко всяческому ограничению тотального смысла и включению его лишь в догматы и ритуальные процедуры,

Отсюда и должно взять различие, что, собственно, относится к культуре, и что есть социум - его "цехи", "департаменты", "разряды", "коллегии" и пр., всецело вовлеченные в сферу инструкций, но которые по внешним признакам могут быть отнесены нами к культуре в соответствии с такими наименованиями чиновников, служащих, исполнителей заказов, - "поэт", "художник", "философ", "ученый" ... Социальный человек, это вытекает из типа его ориентации, в роли "поэта", "философа", "художника", "ученого" может создать обманчивую иллюзию, что он якобы действительно изыскивает истину, обращен к "безднам" за-социального мира, и в мире хаоса прокладывает

тропы к новым материкам законов и форм. На самом деле эта культура лишена инструмента познания, собственного яи этического фундамента; деятельность ее не выражает ничего другого, кроме директивного детерминизма. Социальный мир находится в неведении того факта, что его ученые давно уже обратились в "книгочтеев", которые способны в лучшем случае, лишь понять не ими совершенные открытия, "мудрецы" – это комментаторы истин, которые они классифицируют на основе социальной иерархии и догматики, поэты разнообразят язык инструкций, а высоконравственный человек – тот, кто умеет успешно выполнять директивы. И суть не только в том, что социальный мир без подлинной, открытой неведомому, и свободной от авторитарности засилия культуры, без понимания ее провиденциальных задач, костенеет в "китайской" замкнутости и декоративных изысканиях. Он оказывается с "незащищенным тылом", все более погружается в хаос, все более существенные моменты существования протекают в прорехах молчания, иносказаний, "мировой ветер" проникает за стены, казалось бы, непроницаемых жилищ. Необъяснимое возникает между женой и мужем, юношей и старцем, начальником и подчиненным, соседом и соседом, природой и человеком. Так наступает одиночество человека социальной ориентации. В этом молчании он способен услышать голос пророка, поэта, мудреца, и увидеть хлеб как хлеб.

О Б Щ Е С Т В О

Социальная ориентация сообщает Социуму замкнутость, стабильность, определяет его внутреннее время и пространство, за-социальная – вносит в отношения между людьми аспект раскрытости, изменчивости, мировое время и пространство, – это то, что можно назвать центростремительной и центробежной силами, проявляющимися в сфере политики, как изоляционизм и космополитизм, в идеях конвергенции и склонности. Институализированные ориентации на авторитеты и за-социальное бытие – партии, группы, академии, церкви, секты, кружки, дружбы, клубы и т.д. – их совокупность конституируют общество. Общество, как исторически определенная формация человеческого сосуществования, возможно лишь тогда, когда между двумя ориентациями нет взаимоисключающего антагонизма.

Если мы будем иметь в виду только реальность социально ориентированного человека, то мы сузим общество до социума, подвергнем третированию индивидов за-социальной ориентации. Как это ни парадоксально, но социальная ориентация именно потому, что она не представляет собой все общество, может быть антиобщественной. Здесь следует указать на неясность самого термина – социальный, как он обычно употребляется. Что в социальном не социально, что в народе не народ? Но тем не менее, всем известны хрестоматийные примеры

третирования, убийство, изгнание людей за преступления против "слов", "формулировок", "культы", за противоавторитетные высказывания, или просто за занятия, глубоко интимные, но идущими вразрез с теми, которые предписаны, или просто за осведомленность в фактах, которые для престижа социальных авторитетов нежелательны. Это как раз и есть примеры антиобщественного проявления социальности. Как только культуру начинают мыслить в терминах социальности, так совершают преступление против культуры в самом недвусмысленном виде, ибо с точки зрения строго авторитарных оценок культуры всегда виновна "в заговоре", "подрыве устроев", "в нравственном развращении". Тем составляют заговор против культуры, совершают против ее деятелей действительно уголовные преступления и развращают общество. Это очевидно и достаточно уже осознано. Когда мы осуждаем эпохи, правителей, организации, индивидов за такого рода действия, мы осуждаем их антиобщественность.

Точно также за-социальная ориентация, культура, не представляет собой исчерпывающее общество. Помимо неведомого, помимо за-социального бытия и нового знания, есть социальная реальность, в которой непосредственная узнаваемость человеком человека прояснена, укреплена, сформулирована и актуализирована в системе авторитетного знания, поведения, оценок. Только внутри авторитетной системы человеку непосредственно открыта истина и чувствование живого человека ческого окружения, событие себя с другими, в котором смысл, цель существования обретаются, как общий смысл и цель, уже данные, уже санкционированные всем известным порядком, в котором, в сущности,

нет анонимов — все прозрачны и ясны, и нет необходимости изыскивать что-либо вне этой самой собой являющейся ясности.

Деятели культуры делают действительно антиобщественные заявления, когда постулируют радикальный и финальный разрыв между культурой и социальностью. В сущности, они совершают единственное: те отношения, которые открываются человеку запредельной ориентации — человек и хаос. рассматриваются ими, как отношения, лежащие в основе всех подлинных отношений, в том числе и между людьми. Отсюда берут начало суждения о принципиальной невыразимости истины, о разделенности людей в любом акте бытия; а личность представляется бездной, не поддающейся изъяснению.

Между тем, человек и иррациональная стихия — это лишь начальная ситуация, — открытие запредельности и констатация ее, как континуума содержания, но это не суть сама культура, не ее собственное содержание. Выдвигая начальную ситуацию в качестве финальной, мы лишаем культуру какой-либо позитивной проблематики. Культура начинается там, где беззнаковая реальность получает обозначения, иррациональность улавливается в умопостигаемые структуры, бездуховный мир вовлекается в духовный мир человека и входит в систему его ценностей. Посредством культуры за-социальное бытие открывается разуму любого без опыта "вхождения в хаос", социализируется, приобщается к "всеобщему критерию человечности", — включается в сферу понимаемого, этим и исчерпывается требование общественной морали, если под моралью мы мыслим не обычай, правовые нормы, которого приходят и уходят.

Итак, при всем кардинальном различии между двумя ориен-

тациями, есть сфера, стягивающая их в одно целое, - и эту сферу способен схватить в принципе каждый человек, как "существо разумное", ибо как бы не были трудны некоторые инструкции социального мира, как бы не были развиты и сложны науки и искусства, как бы не был оригинален индивид, они суть содержание и достояние общества, когда пониманию открыты, нет специальных препятствий социально-культурной конвергенции в идеях культуры и абсолютности авторитетов.

Мы можем различать в сфере открытого и доступного пониманию "уже известное" и "совершенно новое", "традиционное" и "новаторское", "санкционированное" и "нерегламентированное", но тем не менее есть безусловное единство и в том и другом содержании, от нас требуется одно - усилие к пониманию, и это усилие, не ограниченное какими-либо условиями, и есть межсоциальный и культурный феномен, общий атрибут человеческости. Отказаться от критериев исключительной ценности и той и другой ориентации - это значит конституировать гуманизм. И если не - ограниченное понимание возможно, то возможно и общество, которое в своих специальных (конституционных) институтах способно санкционировать и сохранять эту возможность, и не позволит - это их цель - ограничить возможности для понимания (для обмена информации, для общения и пр.), удержать право на ту или иную ориентацию, не допустить воцарения индивидов одной ориентации над другой. Такова роль "председателя", который позволяет "бесстрастно и бескорыстно" "каждой стороне" высказаться до конца и берет на себя обязанность и впредь сохранить для вы-

сказываний такую же возможность. Такой председатель и есть тот носитель общественности, "соборности" "всединства", "цельности", и, стало быть, гуманизма: "ничто человеческое мне не чуждо". ("Бесстрастие" и "бескорыстие" – следовало взять в кавычки потому, что переживание единства, интуиция общественной гармонии могут быть страстными и идеал общества утверждаться с огромной силой).

Мы позволили бы себе втянуть в сколастический диспут, если бы попытались ответить на вопрос: "Мы оказались в трудной ситуации, какая ориентация в этом случае эффективнее, ценнее?" Хотя выбор возможен, более того, он входит в круг экзистенциальных самоопределений индивидов, уже описывая "трудную ситуацию", в которой оказалось общество, нам приходится прибегать к указаниям на то, что общество так или иначе встретилось с "неизвестными проблемами", с непредусмотренными препятствиями и, следовательно, наилучшее решение с очевидностью будет исходить от тех индивидов, для которых "неизвестное" всегда было предметом познания. Вместе с тем, если мы говорим об общественно трудной ситуации, то преодоление трудностей станет наиболее эффективным, если будут употреблены массированные усилия, которые невозможны без огромной веры в общие авторитеты. Иначе говоря, задача будет заключаться в том, чтобы в этой трудной ситуации максимально развить обе ориентации, и максимально совместить их в актуальном жизненном употреблении, но это исполнимо в том случае, если в огромной степени возрастет авторитет регламента культурного и соци-

ального совмещения, когда независимость той и другой ориентации понимается как общая задача и общее дело. С другой стороны критические общественные ситуации часто создаются как раз антагонистические периоды, когда социальное сознание может гордиться тем, что оно полностью подчинило себе культуру, оно тем самым заявляет о том, что общество клонится к закату. Так высокомерные высказывания обер-прокурора синода Победоносцева по поводу европейской культуры ("гниющей Запад"), свидетельствовали по существу о том, что в Европе культуры имела возможность для развития и тем самым Запад сохранил свой динамизм, а "социальное здоровье" России означало отсутствие культуры или ее подавленность, и это обещало развал русской империи при встрече с серьезными трудностями: Россия от поражения в Крымской войне шла к поражению в Японской и в Первой мировой.

Институты общественности возвращают индивиду цельность, которую он утрачивает в силу того, что жесткая структура общества принуждает его совершать выбор - и "профессионализироваться" в пределах той или иной ориентации. Эти институты не возвращают цельность персонально каждому индивиду, но структура общества является воплощением "всечеловека", и он - если не в своей собственной судьбе, но в судьбе других, всего общества, постигает (отчасти отвлеченно), духовную гармонию окружающего мира и это делает его патриотом своего общества.

Общественное сознание - сознание всепонимания, расположенностъ ко всеобхватывающему видению. Совмещение с

социальной и с за-социальной ориентацией, оно вносит в первую и вторую проясняющий смысл: различия между людьми по отношению к авторитетам не являются антагонистическими, взаимно исключающими друг друга, более того- эти различия принадлежат к человеческим сокровищам. Общественное сознание утверждает свободу мысли, слова, взаимного сотрудничества и понимания и усматривает преступление **во** всем том, что вносит в совместную жизнь людей тайну, молчание, подавляет усилия **и постижению непознанного**. Общественное сознание не направлено против социальной ориентации, оно не опровергает какой-либо веры, не ставит под сомнение тот или иной авторитет, оно гарантирует свободу выбора и недвусмысленно противостоит использованию социальной иерархии для узурпации знаний и сведений, сферы общения, ограничению экспериментального творчества, то есть общественное сознание, в конечном счете, утверждает то, на чем базируется социально ориентированный человек: на стремлении к ясности, прозрачности, отсутствии всего смущающего и двусмысленного, возвращает ему уверенность и освобождает для эффективного сознательного действия. Общественное сознание проясняет значение культуры, оно полагает смысл не только в том, что одно из человеческих призваний - вторгаться в запредельное, но и расширять человеческую вселенную и создает новый тип человеческой консолидации и новое право, за пределами которого остается нетерпимость, фанатизм, претенциозность, вносящее войну в сами человеческие поселения и использующее различие между людьми - независимо от того, по каким причинам они возникли: исторически, идеологически, биологически, ситуационно, - для

ненависти и разрушения, для лжи и общения другого человека в нечто "подручное", духовно несамостоятельное, - в консолидации без экстремизма.

Если мы попробуем выделить наиболее дальние следствия процессов, взявших начало в недрах средневековья, если мы не позволим увлечь себя их разнообразием и попытаемся определить то общее, что характеризует не специфические линии развития, а само развитие, то это бесспорно - превращение социальных систем в общественные. Помимо собственно социальной истории, как истории смены одной иерархической системы на другую, как историю смены одних авторитетов на иные, помимо войн и внутренних конфликтов, не говоря уже о способах хозяйствования, распределения, награждания и пр., осуществлялась медленная и неотвратимая институализация культуры. И если в социальной истории мы видели революции и реставрации, то в культуре таких возвращений быть не может, ибо для культуры ("неученической") существенное значение имеет не то, что было, а лишь новые обретения, - прежние завоевания культуры являются лишь проводником и инструментом к еще несостоявшемуся постижению и выражению: Развитие культуры, обретение ею самостоятельности, независимости не могло протекать иначе, чем путем высвобождения из-под авторитетов традиции и обретения права на факт как на факт, - независимо от того, является ли это фактом обращения земли вокруг солнца, или факт интимного переживания - независимо от масштаба и рода явления. Культура не ставила перед собой задачу опровергнуть религи-

озные верования, в этом смысле культуру неправомерно называть атеистической, она не преследовала цель нарушить сословно-классовый строй и изменить его нравы, она постулировала по несословному признаку и описывала то, что есть, не считаясь с тем, как то или иное должно быть представлено в интересах существующей иерархии и доктрины.

Если аппаратные оппозиции использовали новые изъяснения фактов как средство для опровержения господствующих авторитетов, если сами деятели культуры иногда оказывались вовлечеными в политическую борьбу, то это не отменяло ни существа, ни глубины той проблемы, которая несла собственно культура и которая могла разрешиться только тем, что социальные системы должны были обратиться в общественные: только в обществе, где человек может ориентироваться свободно, культура обретала право на существование. Если "общественный договор" Руссо являлся первым проективным приближением к структуре такого общества, то наука, бесспорно убеждающая в том, что культура - "это не игрушки", была основной решающей силой в этой борьбе. Но культура перестала бы быть культурой, если бы она подобно Гегелевской системе остановилась бы на достигнутом уровне понимания и свершения, и постулировала бы свой идеал на основе уже достигнутого. Культура достигла большего, как только институализация ее стала фактом, она предопределила смену авторитетов в социальном времени и пространстве как естественное явление. И тем самым социальный мир включил в критерии оценок авторитетов - способность к изменениям, к динамике, прогрессу.

Институализация культуры - это обретение статуса независимости от социальной ориентации как частью индивидов, так

и некоторыми ее консолидациями. Утрата социальной ориентации в новое время абсолютно доминирующего характера, расценивалось социальным сознанием, как "декаданс", "вырождение", "безвыходный кризис" цивилизации, "распад" и "закат", наталкиваясь на позицию, которая кардинально отличалась от собственной, вместе с тем, ужасаясь тем огромным ростом человеческого могущества, которое даровала культура, социальное сознание изыскивало новые схемы социальной иерархии, среди которых, при всем их разнообразии, есть одно качество, которое объединяет их всех в силу категориальных свойств самого социального сознания: культуре отводилось ошибочное положение. Парадокс заключался в том, что независимое положение институтов культуры, конституционные свободы использовались аппаратными оппозициями для легализации своей деятельности, а сами оппозиции определяли себя как стоящие на фундаменте науки, искусства, философии и пр., и стало быть, аппаратные оппозиции вынуждены были утаивать свою собственную сущность, и только победа оппозиции обнаруживала, что перед нами не культурный феномен, а лишь "новый порядок" или старое средневековье.

Преобразование социальных систем в общественные не обходилось без участия различных социальных слоев, но в отличие от всех имевших место прежде движений, его возглавляли люди свободных профессий, - философы, писатели, адвокаты и пр., которые уже профессионализировались в неавторитетном способе мышления и поведения, уже пережили опыт культурного типа общения и консолидации, их приход в политику - был тем "походом на Иерусалим", который вносил в практику политической деятельности новые методы: способность обсуждать с про-

тивниками "общие проблемы", понимать их и договариваться с ними, опираться не на фанатизм своих последователей, а изучать существо социальных недугов и раскрывать их для сознания всех, предлагать "общему вниманию общие проекты". Борьба шла за человеческие сознания, а не против сознаний, за понимание, а не иррациональность слепой приверженности, за диспут, но против войны. Всякое утаивание информации, скрытность политической деятельности, всякие закулисные интриги стали очевидными недостатками партий и их лидеров, критерием их необщественности, склонности к эстремизму. Политическая история нового времени полна вырождений "культурных" политиков переходами от общественного сознания к социализму, от защиты культуры к стремлениям подавить ее, освободиться от ее "развращенного влияния", "безответственности", "либеральности", "болтовни". Мощные движения, начавшиеся как общественные, завершались тривиальным социальным итогом, то, что опровергалось самым категорическим образом в исходном моменте, оказывалось желательным результатом в конце движения. "Революция, как реакция" (Томас Манн), реформация, как реставрация, — все эти социальные исторические "игры" порождали глубочайший скептизм, история открывалась, как бессмыслица, не творчество, а разрушение и повторение уже бывшего. "Чистые" социальные системы изжили себя, но они способны искусственно создавать ту ситуацию, при которой нормальной реакцией будет безотказная исполнительность, покорность. Для этого, в принципе, следует поддерживать в мире социальных отношений атмосферу постоянно го страха, и представить существование авторитарной системы как постоянно подвергающейся опасности, иначе говоря,

сохранять атмосферу "чрезвычайного положения" со всеми вытекающими отсюда правовыми и нравственными выводами, а само продолжающееся существование в мире полным "враждебных присков" представить как выдающуюся заслугу как лидеров, так и всей социальной системы в целом.

Однако, на фоне пяти веков медленного, но неуклонной институализации культуры, сии исторические рецедивы являются из себя реализованные утопии, которые в силу того, что они реализованы не становятся менее утопичными, ибо их победа могла бы стать окончательной только в том случае, если бы запредельный мир перестал бы существовать, если бы за-социальная ориентация стаба бы невозможной, если бы, в сущности, человечество перестало бы быть человечеством, а человек - человеком, если бы удалось, как предлагал Шигалев Достоевского, - "удушить гения в колыбели". Возможным оказывается лишь третирование культуры, преследование неавторитарного человека, открыто или скрыто, вести, в принципе, биологическую войну: "прополку" человеческого поля. Возможно: вызвать массовую бойню людей "отклонения", породить массовую миграцию, максимально утяжелить и затруднить культурное возрождение за счет утраты творческого потенциала нации и сделать ее беззащитной перед лицом "неведомого". Итак, замысел о человеке, его онтологические глубины, вечно поражают запредельную ориентацию, а, следовательно, культуру, культура - общественную форму консолидации, которая в свою очередь не основана ни на расовом, ни на национальном, ни сословном, ни на мифологическом принципе.

Если общество - это конкретно историческое образова-

ние, то общественное сознание дух всепонимания и восприятия мы находим на Востоке и на Западе, три тысячи лет назад и сегодня – оно заявляет о себе тем, что охватывает все человечество и преодолевает все исторически установленные разграничения, но не для того, чтобы не видеть их, – "эллина и иудея", оно как раз способно мыслить различия – в то время, как антиобщественное пытается уничтожить их. Общественное сознание, как и мир социальных ценностей и культуры, имеет свой собственный пантеон. Здесь упомянут только Жан Жак Руссо, предсказавший: "На месте старых, сверху вниз, основанных на насилии и авторитете организаций, встанет новая, которая обоснуеться только на естественных потребностях, склонностях и стремлениях человеческих". Его заслуга заключалась в том, что он первый сформулировал основы конституационного мышления и придал ему конструктивный и правовой характер, но общественное мировоззрение было присуще уже основателям мировых религий – Будде и Иисусу – философам поздней античности, первым отцам христианской церкви, великим деятелям Возрождения: человечество, как единый мир и единая судьба было той исходной предпосылкой, из которой они выводили критерии того, что "хорошо", что "плохо", "морально" и "аморально", кто человек, а кто возлагает на других "бремена неудобоносимые" – противникам носителей партикулярного мышления.